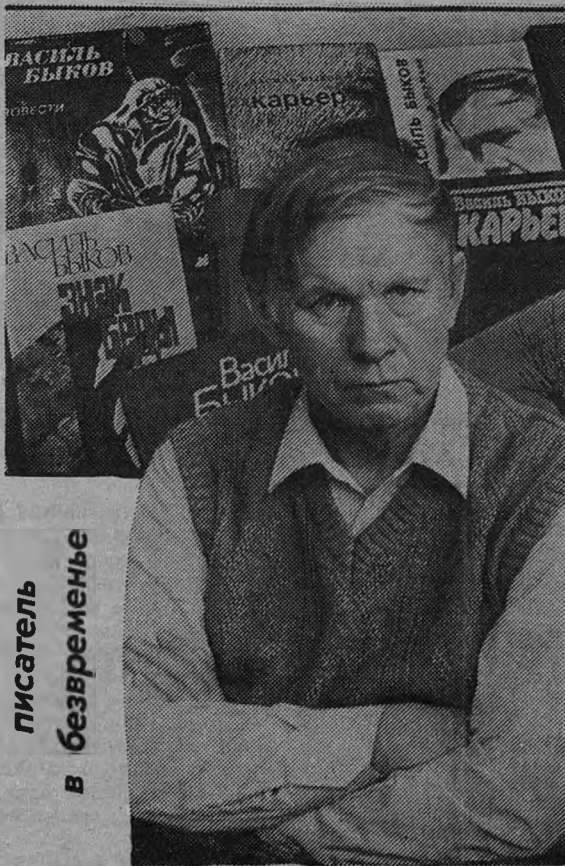

РЯДОВОЙ НЕВЕСЕЛОЙ ПРОЗЫ

Невсел. — 1992. — окт. (№ 40). — с. 8-9.

Впервые я решился позвонить ему полгода назад. Секретаря у писателя не оказалось (как, впрочем, и литературного агента, как стало известно позже). Трубку автор «Альпийской баллады» снял сам. Нет, интервью он не дает. Уже давно. «Пожалуй, надо перекалифицироваться на ремонт обуви: надоело марать бумагу. Бесполезное это дело...»

Сам-то я считал создателя «Сотникова» одним из литературных генералов, имея в виду его мировую известность. Почему и отнесся к пессимизму любимого автора с должным почтением. Впрочем, удалось получить разрешение позвонить где-то поближе к весне... или к лету...

ЗВОНЮ через полгода. Настроение у собеседника то же. Напоминаю ему слова о сапожном ремесле, записанные дословно, — и он соглашается отвечать на вопросы.

Вначале я деликатно осведомился о причине уныния.

— Только что, — ответил человек, написавший «Круглянский мост», — в одном из издательств Беларуси вышла моя книга публицистики. Писал я ее десять лет. А получил за нее сумму, достаточную, чтобы два раза заправить машину...

Я не поверил. Сколько же прозаику ранга Быкова в наше время платят за печатный лист?

Оказалось, 300 (триста!) рублей. Каюсь, не поверил снова.

— Но, Василий Владимирович, — говорю осторожно, — деревянные-то вам, по всей видимости, не слишком-то и нужны? Вас перевели чуть ли не на все языки мира, и...

— Я, как вам, должно быть, известно, пишу тоненькие книжечки. В среднем за повесть получал по 60 долларов. Вот вышел двухтомник — получил за него аж двести...

— Тысяч?

— Нет. Почему? Двести долларов.

Разговор начал звучать, как черный юмор. А юмор в повестях Быкова отсутствует. Кстати, спросил у него и об этом. Автор «Облавы» ответил, что темы, в которых он работает, к юмору не располагают. Да и современность не располагает. «Душа чернеет...»

Наши души в свое время светлели от его повестей. От этих печальных, можно сказать, безнадежных повестей, которые по своему времени были редкими островками правды. Этот белорус выдавал тексты, которые напоминали Библию. Так просто и так сложно все в них было.

Помнится, я прочел «Круглянский мост» в «Новом мире». Тогда все увлекались Хемингуэем. Один из романов Хэма, который особенно долго задерживался в цензуре, «По ком звонит колокол», меня разочаровал. Может быть, потому, что слишком долгое ожидание редко дает хорошие плоды. А вот «Круглянский мост» оказался моим небольшим, но собственным от-

крытием. Дело в том, что в романе и в повести совпадает практически все: сюжет, фабула, гибель героев... Но роман показался мне словесным фейерверком, а повесть потрясла. Помнится, еще тогда, лет двадцать назад, хотел задать Быкову этот вопрос: случайно ли такое совпадение?

Оказалось, что да, случайно.

— Роман Хемингуэя, — сказал Быков, — это эпопея. У меня же совсем небольшая вещь... Я не обольщаюсь на этот счет. Я самый обыкновенный, рядовой писатель. Вы говорите, что после того, как прочли «Облаву», перестали считать меня писателем военной темы? Что ж, я действительно не милитарист. Наша военщина мне глубоко антипатична. Моя тема — опыт народа на войне. И то, как этот опыт, эти уроки оказались невостребованными никем. Народ из одной несвободы — борьбы с немецко-фашистскими захватчиками — попал в другую, не менее страшную. Одно рабство свалили, под другое подпали...

— Впервые эту мысль я прочел у Алены Адамовича...

— Мы друзья.

— Каков же итог?

— Мне скоро 70, — говорит совесть народа и его надежда, как несколько выспренно называли писателя в минской и московской интеллигентской среде, — выхожу из игры.

— После того как в течение десятиде-

тий вы были нашей нравственной опорой? — хотел я найти более простые и человеческие слова — и не нашел.

— Что делать? — ответил Быков. — Не оправдал...

ГОСУДАРСТВО в лице Всесоюзного агентства по авторским правам обобрало этого человека до нитки, забрав у него львиную долю зарубежных гонораров. Недавно Внешторгбанк заблокировал счет писателя, на котором еще оставалось несколько десятков долларов.

Показалось естественным спросить: а счета за границей, которые, как известно, имелись и имеются у многих наших соотечественников, в том числе и у писателей, деятелей культуры?

— Я был законопослушным гражданином. Полагал, что счет может быть только в своей стране...

Василь Быков давно уже никому не дает интервью. Не пишет (по его словам). Слов на ветер этот человек не бросает. И если в следующий раз вы увидите его где-нибудь на улице Минска, сидящим в будочке холодного сапожника, подобно отцу «отца народов», он вряд ли потребует с вас слишком много за пару набоек. То свое ремесло он еще не забыл.

Но у вас скорее всего на ногах не сапоги...

М. ШКЛЯР.

Р. С. Пятнадцатиминутный разговор с суверенным независимым государством Беларусь обошелся мне в сумму, которую мне платят за авторский лист прозы мирового класса.